

Похождения Склифосовского, или Апофеоз абсурда.

КНИГА 5: ЭЛИКСИР БЕССМЕРТИЯ

АЛЕКСАНДР МАКАРЬЕВ

18+

Александр Макарьев

Похождения Склифосовского, или Апофеоз абсурда. Книга 5. Эликсир бессмертия

*<https://litres.ru/74441654>
SelfPub; 2026*

Аннотация

«Смерть — это всего лишь досадная техническая ошибка. Но готовы ли вы платить за вечность ежемесячную абонентскую плату?»

Пятая, заключительная книга грандиозной сатирической эпопеи о Профессоре Склифосовском выводит идею мирового абсурда на космический уровень. Встречайте: проект ASSURDO.

Великий и таинственный Авлабарский призрак совершает невозможное — он превращает Вечную Жизнь в обычный цифровой сервис с Золотой Капсулой в качестве пропуска в завтрашний день. Поставив на колени ФРС США, переиграв Ватикан и подмяв под себя тоталитарные технологии Азии, Склифосовский провозглашает построение Рая в одной, отдельно взятой стране — в Грузии.

В этой книге вас ждут:

Фирменный одесско-тбилисский юмор, искрометные диалоги и тонкая сатира на современный мир;

Глобальный детективный сюжет, охватывающий Цюрих, Нью-Йорк, Варанаси, Шэньчжэнь и Ватикан;

Неожиданная и глубокая философская развязка всей серии о гениальном Профессоре.

Содержание

Глава 1. Запуск новой валюты	7
Глава 2. Тбилиси 2026	13
Глава 3. Торжественное открытие	19
Глава 4. Швейцарский сейф (Регистрация и легализация)	27
Глава 5. Операция «Новый свет»	36
Глава 6. Китай	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Макарьев
Похождения
Склифосовского, или
Апофеоз абсурда. Книга
5. Эликсир бессмертия

Александр Макарьев

ПОХОЖДЕНИЯ СКЛИФОСОВСКОГО, ИЛИ АПОФЕ-
ОЗ АБСУРДА

КНИГА 5

ЭЛИКСИР БЕССМЕРТИЯ

Макарьев А.

Похождения Склифосовского, или Апофеоз абсурда.
Книга 5. Эликсир бессмертия / Александр Макарьев. —
2026.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена, сохранена в поисковой системе или передана в любой форме или любыми средствами без предварительного письменного разрешения автора.

© Александр Макарьев, 2026

Глава 1. Запуск новой валюты

Прошли спокойные три месяца. Склифосовский себя никак не проявлял, и о нём никто особенно не вспоминал. Все занимались своими домашними делами. Одесский Привоз стремительно менялся и постепенно стал напоминать сетевой супермаркет. Трамвай по-прежнему работал исправно и возил своих пассажиров в сторону Большого Фонтана. Элла вернулась в университетскую энтомологическую лабораторию и села за диссертацию на тему «О возможности выращивания искусственного гибрида стрекозы и бабочки». Стэлла уехала в Бухарест и снова взялась за экскурсии. Аркаша скукал по своему онлайн-мушинутому тотализатору и продолжал тайно вздыхать по Элле. Моисей Львович Бирштейн заблаговременно собирал справки для пенсионного фонда. Проезжая как-то на трамвае мимо своего старого склада на Молдаванке, он решил зайти туда и посмотреть, всё ли там в порядке, а заодно смазать замки на воротах. Не спеша подойдя к складу, он внимательно осмотрел замок, вытащил из портфеля маслёнку, залил внутрь пару капель машинного масла и вставил ключ. Замок открылся легко, ворота скрипнули, и Бирштейн зашёл внутрь. В полумраке склада он увидел длинный верстак, на котором сектором стояли четыре больших монитора. В центре этого сектора располагалось хорошо знакомое ему кресло, на котором восседал Склифосов-

ский собственной персоной. Однако его прежний облик Войдя во френче исчез без следа. Теперь Склифосовский выглядел как кроткий Мессия в сияющем белом хитоне. Его длинные волосы мягко спадали на плечи, а аккуратная борода обрамляла лик с безупречными, мягкими чертами. Не здороваясь, Склифосовский кротко развёл ладони и жестом подозвал Бирштейна к монитору. Его голос, избавившись от сталинской хрипоты, зазвучал как чистейший серебряный колокол:

— Мойша, что ты там видишь? Моисей Львович подошёл ближе, поставил портфель на пыльный пол и вытер руки платком. В воздухе склада стоял стойкий, осязаемый запах старой мешковины. Он посмотрел на экран, куда указывала длань Профессора.

— Ну что, ты видишь эту суету, любезный друг мой? — тихо, завораживающе спросил Шеф. — Миллиарды нулей бегают по проводам, изображая из себя золото. Пора показать им, что золото — это просто металл, а цифра — всего лишь электрический импульс. — Я вижу, Шеф, что этот мир окончательно сошёл с ума, — ответил Бирштейн, тщательно протирая очки и обдавая пространство привычным луковым духом.

— Эти молодые люди в узких штанах называют это «криптовесной». Они свято верят в то, что код в компьютере кормит их детей. Склифосовский брезгливо сморщил нос, и эта гримаса странно контрастировала с его святым обли-

ком. Пальцы его начали быстро, почти невидимо для глаза выстукивать дробь по клавиатуре. На центральном мониторе замигали графики: зелёные и красные кривые бились в конвульсиях, как пульс тифозного больного.

— Весна — это ты хорошо сказал. Весна, Мойша, — это когда акация расцветает на Французском бульваре, — прошептал Мессия, не отрываясь от экрана.

— А это что? Они создали систему, в которой «ничего» стоит «миллиард». Но у «ничего» есть один недостаток — оно не имеет плоти. Оно не болит, когда его бьют, и не греет, когда холодно. Доллар Соединённых Штатов и эти пустые коды слишком долго являлись фальшивыми богами для нашей несчастной паствы. Банкиры с Уолл-стрит превратили мир в вертеп разбойников и долговых рабов. Эта финансовая тирания ФРС должна быть стёрта. Склифосовский вывел на экран изображение маленькой золотистой капсулы. Она вращалась в 3D-проекции, мерцая мягким, почти органическим светом.

— Смотри внимательно, Моисей Львович. Сейчас я ввожу в их протоколы «Вирус Реальности». Обрати внимание — я не взламываю их кошельки, как некоторые, — я меняю саму суть. Он нажал клавишу Enter с таким хрустом, будто ломал хребет невидимому врагу. В ту же секунду на трёх других мониторах начался ад. Котировки биткойна и эфириума, ещё секунду назад стабильно набиравшие высоту, вдруг замерли и круто покатались вниз. Цифры на экранах сменя-

лись так быстро, что превратились в сплошное белое полотно.

— Что вы делаете? — прошептал Бирштейн, чувствуя, как холодный пот пополз по спине. — Там же триллионы...

— Я обнуляю их галлюцинации, — отрезал Склифосовский. — Я запустил алгоритм, который доказывает системе, что за этими цифрами нет ни одного атома золота, ни одного вздоха живого существа. Рынок пуст, Мойша. Пуст, как голова вашего племянника Аркаши, когда он смотрит на Эллу. По всему миру в этот момент остановились транзакции. Банковские терминалы от Лондона до Гонконга выплюнули надпись: «Error: No Substance Found». Федеральная Резервная Система США в один миг оказалась лицом к лицу с колоссальной информационной чёрной дырой.

— А теперь, — Склифосовский повернул свой лик к Бирштейну, и его глаза блеснули восторгом, — настал торжественный момент, любезный друг мой. Мы выпускаем на свободу ASSURDO. На экранах, поверх руин старого финансового мира, всплыла одна-единственная строка: «ASSURDO (ASRD): Резерв — Живой Панцирь. Эмиссия — 10 капсул в сутки. Цена — 1 месяц Жизни». — Я зарегистрировал эту валюту на всех биржах одновременно, — продолжал Профессор. — Теперь, если кто-то хочет жить дольше, чем ему отмерила природа, он должен купить мою капсулу. И платить он будет не фантиками ФРС, а реальными активами — портами, заводами, железными дорогами.

Мы будем менять их электрические импульсы на право дышать лишний месяц. Это истинное прощение долговых грехов, возлюбленный сын мой.

Бирштейн посмотрел на Склифосовского. Тот сидел в полумраке склада, освещённый мертвенно-голубым светом мониторов, и в этот миг действительно был похож на грозного бога, который только что сотворил мир из мусора и назначил за него непомерную цену.

— И сколько же стоит одна такая... таблетка? — осторожно спросил Моисей Львович.

— 8 888 888 долларов, — отчеканил Склифосовский. — Число бесконечности, Мойша. Потому что за бесконечность люди отдадут всё, даже то, чего у них нет. Склифосовский захлопнул крышку главного ноутбука, и в складе воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим писком маслёнки, которую Бирштейн всё ещё сжимал во влажной от пота руке.

— Собирай коллектив, Моисей Львович, — Склифосовский медленно поднялся с кресла, и его сияющая белая тень накрыла всю стену склада. — Мы переносим столицу ASSURDO в Тбилиси. Там заждался нас дворец, в котором слишком много пустующих залов.

Бирштейн тяжело вздохнул. Ему стало ясно, что пенсионный фонд может немного подождать. Наступала эра, в которой справки о стаже не имеют никакого значения. Значение имеет только золотая капсула и личное распоряжение существа, которое только что приватизировало само Время.

Это был первый в истории «Золотой стандарт времени». Когда биткоин рухнул до нуля, за ним потянулись и обычные валюты. Доллар задрожал, потому что был обеспечен лишь авианосцами, а на авианосцах внезапно испортились туалеты. Мир медленно, но верно проваливался в финансовую чёрную дыру.

— Я полагаю, вы меня понимаете, Моисей Львович, — объяснял Склифосовский Бирштейну.

— Если у человека есть миллиард цифр ФРС, но через неделю он умрёт от старости, для него его миллиард стоит меньше, чем эта крошка сахара. Я создал валюту, которую нельзя украсть, нельзя подделать и, что самое главное, нельзя не хотеть. Итак, любезный друг мой, готовимся к переезду в Тбилиси.

Глава 2. Тбилиси 2026

Решить вопрос аренды бывшего Президентского дворца под патронатом Склифосовского поручили Давиду. К 9:00 он был уже на площади Независимости, перед старинным зданием Горсовета. Давид поднялся на второй этаж и сразу оказался перед внушительными резными дверями. На табличке значилась надпись: «Председатель городского совета» и известная всему городу фамилия. Давид зашёл в приёмную и подошёл к строгой секретарше. Та записала на листочке: «Гварамия Давид Георгиевич, народный депутат Верховной Рады Украины», и тему беседы — «Аренда Президентского дворца». Секретарша нажала кнопку, и перед Давидом немедленно появился молодой человек с внешностью голливудского актёра. Он переспросил вопрос, с которым Давид пришёл, продиктовал текст обращения и исчез за председательскими дверями. Минут через десять дверь отворилась, и Давида торжественно пригласили в кабинет. Там за длинным приставным столом уже сидело человек пять важных чиновников. Председатель — плотный мужчина с лицом, на котором вековая грузинская печаль боролась с азартом игрока в нарды, — жестом предложил Давиду сесть. На столе перед чиновниками не было ни одного компьютера, только стопки пожелтевших папок и огромная хрустальная пепельница, полная окурков.

— Давид Георгиевич, дорогой, — начал Председатель, — не скрою, для нас это большая неожиданность. Вы просите сдать в аренду Дворец на Авлабаре. Здание красивое, стеклянное, птицы об него бьются каждую весну. Но содержание! Вы знаете, сколько там стоит отопление в январе? Бюджет города плачет, когда приходит квитанция за свет в этом куполе. И он указал на седого старика в нарукавниках, похожего на бухгалтера из дореволюционной аптеки. Остальные чиновники синхронно вздохнули, будто репетировали партию в хоре.

— Триста тысяч лари в месяц только за одну охрану периметра, — прошамкал старик. И крыша течёт в восточном крыле. Там тазик стоит медный, но и он уже не справляется.

Давид выждал театральную паузу. Он помнил наставление Шефа: «Говори с ними о вечности, но плати за вывоз мусора».

— Господа, — Давид открыл свою кожаную папку с гербом. — Моя организация, фонд «ASSURDO», не ищет выгоды. Мы — меценаты мирового хаоса... то есть, я хотел сказать, мирового порядка. Мы берём на себя все расходы: отопление, освещение, ремонт крыши и даже уход за газонной травой, которая там давно превратилась в гербарий. В кабинете повисла тяжёлая тишина. Председатель медленно прикурил новую сигару.

— А в чём же всё-таки ваш интерес, генацвале? — прищурился он. — Грузия — страна гостеприимная, но бесплат-

ный сыр у нас бывает только в мышеловках. Что ваш фонд там будет делать? Офис? Казино?

Давид слегка наклонился вперёд, и его голос приобрёл вкрадчивость:

— Мы откроем там «Музей Ненужных Вещей нашей планеты». Это будет культурный центр мирового масштаба и центр общественно-политической мысли. Мы привезём туда экспонаты, за которыми будут стоять очереди из парижан и лондонцев. И самое главное — мы обеспечим городу приток новой валюты. И он аккуратно положил на стол перед Председателем одну-единственную позолоченную капсулу. Она блеснула в утреннем свете, ворвавшемся сквозь высокие окна.

— Это залог за первый месяц, — прошептал Давид. — Её сегодняшняя рыночная стоимость покрывает годовой бюджет вашего департамента благоустройства и продолжает ежедневно расти. Вам ещё останется на новый фонтан перед Оперой. Чиновники по очереди потянулись к капсуле. Старик в нарукавниках даже вытянул лупу.

— Ну что же, — пробормотал Председатель, не сводя глаз с золотого сияния. — Если вы почините канализацию в левом крыле дворца и не будете мешать туристам фотографировать фасад, я думаю, мы договоримся. Он нажал кнопку на селекторе:

— Лали! Неси, дорогая, коньяк. У нас тут серьёзные люди из Одессы решают вопрос о судьбе Авлабарского холма.

Через минуту на столе появились маленькие рюмки и тарелка с нарезанным лимоном, посыпанным сахаром. Вопрос аренды перешёл в стадию подписания. Давид передал СМС Склифосовскому: «Дворец наш». Сообщение улетело в эфир, и где-то на Молдаванке, в полумраке старого склада, экран ноутбука Склифосовского осветил его торжествующий, кроткий оскал. Уже через два часа после того, как Давид покинул здание Горсовета, Авлабар пришёл в движение. Тбилиси ещё не знал, что его главная достопримечательность сменила владельца, но старожилы на площади Элиа уже тревожно поглядывали вверх — над стеклянным куполом дворца внезапно закружила стая ворон, напуганная странным низкочастотным гулом.

Первым прибыл Юра Матешвили. Он приехал на старом дребезжащем грузовике, кузов которого был доверху забит ящиками с надписями: «Хрупкое. История». Он открыл изрядно заржавевшие ворота хозяйственного двора и начал методично выгружать свои сокровища: сломанные граммофоны, печатные машинки без литер, коллекцию дырявых зонтиков и медный самовар, в котором некогда кипятили воду для самого Лаврентия Павловича Бери.

— Это не мусор, — ворчал Юра, вытирая пот со лба засаленной кепкой. — Это фундамент новой реальности. Каждая из этих вещей больше не нужна человеку, а значит, она свободна и принадлежит вечности.

Серож и Гоги выдвинулись на Авлабар прямо из своих

старых дворигов. Серож, не выпуская из рук потёртый футляр со своей знаменитой трубой, поймал у Сухого моста потрепанную «Волгу» ГАЗ-24. Он дал водителю несколько мятых купюр и попросил гнать до Авлабарского дворца дворами, без светофоров. Гоги же, надев рабочий халат, упаковал в багажник и на заднее сиденье три огромных потрепанных чемодана. Они были доверху набиты мотками медной проволоки, раритетными вакуумными лампами и самодельными датчиками. По мере того как микроавтобус подпрыгивал на вековой авлабарской брусчатке, приборы внутри чемоданов начинали периодически пищать на ультразвуковых частотах, заставляя случайных прохожих и набожных старух у храма Самеба испуганно креститься. Эмиль и Джованни, всё это время тихо жившие в самом центре города, в старинном итальянском дворике прямо за зданием Горсовета, выдвинулись на Авлабар пешком, наотрез отказавшись от любого транспорта ради конфиденциальности. Они не спеша шли через площадь Свободы, согнувшись под тяжестью кожаных саквояжей. В их багаже плотными стопками лежали пачки пожелтевших европейских газет, каталоги парижских антикварных лавок и подробнейшие, уникальные чертежи французских канализаций прошлого века.

Через неделю Дворец перестал выглядеть как бывшая резиденция Президента. Гоги протянул провода прямо по хрустальным люстрам, соединив купол с подвалом, где уже всю гудели квантовые серверы. Юра расставлял экспонаты.

В главном зале, там, где раньше стояли трибуны для пресс-конференций, теперь возвышалась гора из старых кнехтов и ржавых велосипедных колёс.

— Музей открыт, — констатировал Юра, вешая на входную дверь табличку: «Вход только для тех, кто готов расстаться с прошлым».

Моисей Львович прибыл последним. Он зашёл в холл дворца медленно, опираясь на антикварную трость с серебряным набалдашником. Окинув взглядом внутренности этого грандиозного сооружения, он удовлетворённо хмыкнул, представляя, как Склифосовский воцарится здесь под маской вселенского Пастыря.

— Ну что, Давид Георгиевич, — Бирштейн посмотрел на своего бывшего директора, который всё ещё сжимал в руках папку с договором аренды. — Поздравляю. Мы сняли квартиру для Бога.

Глава 3. Торжественное открытие

Склифосовский въезжал из аэропорта Лочини в город в открытом немецком ретроавтомобиле времён Второй мировой войны. Он отстранённо смотрел по сторонам. Тбилиси проносился перед ним, как старая киноплёнка, на которую наложили современную городскую инфраструктуру. Вот Кахетинская трасса, когда-то грязная и разбитая, теперь покрытая идеальным асфальтом, залитая неонами заправок и торговых центров. Вот мост Бараташвили. Он видел, как на месте старых духанов выросли стеклянные башни. Всюду свет и реклама мировых брендов. Он попытался оживить в себе старые эмоции, но ничего не получалось. «В конце концов, разве не жив во мне дух Авлабара, или я только иллюзия Мессии? Абсурд уже здесь, — подумал он. — Но он просто ещё не осознан нами». В это самое время гости уже собрались в главном зале для торжественной встречи. Зал тонул в глубоких синих сумерках. Огромные окна президентского дворца, выходящие на Мтацминду, ещё удерживали отсветы заката. На длинном столе из карельской берёзы, рядом со столовыми приборами, стояли именные таблички, вырезанные из воронёной стали. Машина плавно затормозила у парадного входа. Склифосовский выбрался из салона. Воздух Тбилиси, смешанный с запахом выхлопных газов и цветущей акации, ударил в лицо. Он замер на мгновение, вдыхая

этот коктейль из воспоминаний и реальности. В ста метрах от главного входа стояло оцепление охраны, за ним — представители прессы. Он, ни на кого не глядя, вошёл во дворец в своём сияющем белом хитоне. Серож, стоявший у дверей, вытянулся в струнку, как в старые добрые времена, но вместо приветствия просто благоговейно подмигнул Профессору. В сопровождении Серожа Склифосовский прошествовал в банкетный зал. Перед дверями стоял Аркаша, держа на вытянутых руках ослепительно белый торт, украшенный только одной деталью — маленькой золотой капсулой, на которой глубоким тиснением блистала надпись «ASSURDO». Аркаша сделал шаг вперёд. — С возвращением, Профессор, — сказал он, протягивая торт, белый, как лебединое перо. Профессор едва заметно кивнул, вытащил капсулу из торта и сунул её в рот, принимая паёк вечности. Гости громко зааплодировали. — Прошу вас, господа, рассаживайтесь без церемоний, — Склифосовский сделал общий приветственный жест, и все заняли места согласно табличкам. В торце стола стояла точная копия знаменитого кресла Склифосовского. На противоположном конце, как королева бала, сидела Элла. Она была в строгом темно-синем платье, подчёркивавшем её статус. Её спокойное, непроницаемое лицо казалось вырезанным из итальянского мрамора. По правую руку от неё сидел Аркаша, глядя восторженными глазами на свою королеву. Когда гости расселись, зал наполнился гулом голосов и звоном дорогого хрусталя. Это был пир эпо-

хи великого распада старого мира. На столе, покрытом скатертью из тончайшего бельгийского льна, не было свободного места. Но вместо привычных блюд здесь царила эклектика, доведённая до абсурда. Рядом с традиционным кахетинским шоти, ещё дышащим жаром печи (торни), лежали устрицы на ледяной крошке, доставленные утренним рейсом из Аркашона. Чёрная икра в тяжёлых серебряных чашах соседствовала с солёными огурцами с Авлабарского базара. Тарелки из лиможского фарфора с едва заметной золотой каймой были такими тонкими, что казались прозрачными. Рядом лежали тяжёлые серебряные приборы. Официанты в белых перчатках разливали «Château Margaux» 1982 года, аромат которого смешивался с запахом кинзы и джонджоли. Люстры из богемского хрусталя под потолком были притушены. Стол освещали сотни длинных свечей в старинных канделябрах. Воск медленно стекал на воронёную сталь именных табличек, застывая на именах «апостолов» новой финансовой эры белыми слезами. Склифосовский сидел во главе стола в своём мессианском одеянии, почти не касаясь еды. Он внимательно наблюдал за лицами своих помощников, стараясь уловить мельчайшие изменения. Когда первая жажда и голод были утолены, Склифосовский подал знак. В дальнем конце зала, скрытые в тени колонн, музыканты заиграли тягучую пастораль, где скрипка спорила с клавишином. Мэтр провозгласил первый танец. Первым на паркет вышел Джованни, церемонно пригласив Викторию. Его дви-

жения были подчёркнуто артистичными, почти гротескными. Он вёл её по залу, словно манекен, а Виктория, сохраняя каменное лицо, двигалась с точностью метронома. Вскоре к ним присоединились и остальные. Аркаша танцевал с Эллой так, словно охранял сокровище. Его рука на её талии была напряжена, как пружина. Элла же плыла по паркету, глядя поверх голов; в её глазах отражалось пламя свечей, и в этом отражении не было ни тепла, ни радости. Гоги танцевал грузно, по-стариковски, но с отчаянным достоинством, пока Стэлла кружилась вокруг него огненным вихрем — её яркое сине-фиолетовое платье расцветало на фоне серых дворцовых стен. Запахи в зале смешались в дурманящий коктейль: дорогой парфюм Chanel, аромат жареной баранины, запах стеариновых свечей и тонкий, едва уловимый технический запах озона, исходивший от квантовой аппаратуры из подвалов дворца. Начищенный паркет отражал танцующих, превращая их в длинные, ломаные тени. Казалось, что танцуют не люди, а механизмы, заведённые высшей волей Склифосовского. Сам Профессор удовлетворённо наблюдал за этим зрелищем. — Ну как тебе банкет, Серож? — тихо спросил он, не оборачиваясь. — Соответствует важности момента? Серож, жевавший кусок осетрины, вытер губы салфеткой: — Красиво идут, Профессор. Как на параде перед концом света. Склифосовский криво улыбнулся. Торжественное открытие состоялось. Оркестр играл азартно. Гости заметно оживились. Серож порывался опробовать

свою трубу и обнаружил, что акустика в стеклянном куполе идеальна для сольного исполнения. Его первая композиция — «Поэма абсурда в миноре» — заставила замолчать всех. После того как последняя нота трубы Серожа — надрывная и колючая — растаяла под стеклянным куполом, в зале воцарилась мёртвая тишина. Музыканты в тени колонн замерли. Склифосовский медленно поднял бокал с «Château Margaux», и этот жест послужил сигналом. Танцы прекратились. Гости вернулись к столу, и их тени на паркете вновь превратились в людей. Профессор слегка постучал серебряным ножом по краю хрустального бокала. Звук был чистым, холодным и резонирующим. — Господа, — произнёс Мессия, и его голос, усиленный купольной акустикой, заполнил каждый уголок дворца. — Наконец я понял высший смысл своего появления в этом мире. Я пришёл сюда под патронажем вечности, чтобы дать людям новую жизнь. Дополнительную жизнь. Настало время наполнить наши бокалы смыслом. В этом зале нет случайных людей. И нет случайных тостов. Каждый из вас — это камертон, по которому будет настраиваться новая жизнь в закреплённых за вами регионах. Пришло время выполнить наше главное обещание — мы принесём Рай в Грузию. Он строго посмотрел на Бирштейна. — Первый тост я предлагаю выпить за Старую Европу. Мойша, вы едете в Брюссель. Ваш регион — колыбель правил. Ваша задача — возвести эти правила в абсолют. Сделайте бюрократию настолько совершенной, чтобы она начала отри-

цать саму жизнь. Пусть каждый европеец тратит полжизни на получение разрешения на любое действие. Когда порядок становится невыносимым, он превращается в высшую форму абсурда, полностью обнуляя старые устои. За ваш будущий неизбежный триумф, Мойша! Приглашаю всех присоединиться! Бирштейн чопорно поднялся, чуть поклонился, едва пригубил вино и удовлетворённо кивнул. — Теперь вы, Аркаша, — Склифосовский перевёл взгляд на правую руку Эллы, поверх которой покоилась кисть Аркаши. — Вы любите порядок не меньше Мойши, но ваш Китай — совсем другая материя. Там контроль уже тотален. Ваша задача — сделать его одушевлённым. Пусть алгоритмы ИИ начнут чувствовать «обиду» на граждан. Пусть система распознавания лиц штрафует их за недостаточно глубокий поклон перед камерой. Когда контроль станет капризным, как живое существо, великая азиатская империя рухнет под тяжестью собственного страха, открывая дорогу ASSURDO. За вашу преданность делу и Королеве, возлюбленные чада мои! Аркаша встал, на мгновение встретился глазами с Эллой и осушил бокал до дна. Склифосовский медленно повернул голову к Джованни и Эмилю: — Творцы! Ваша сцена — весь мир, но начните с Рима, Милана и Парижа. Ваш тост — за Искусство, которое удушает. Культивируйте пустоту. Да будут картины невидимыми, а музыка состоит из одних лишь пауз и ультразвука, вызывающего у восторженных слушателей тошноту и головную боль. Когда человечество разучится отличать

шедевр от мусора, оно теряет душу. А телом, лишённым долларовых оков, управлять гораздо проще. Пьём за тишину, которая оглушает! — Серож, — Профессор чуть прищурился, и его нимб на мгновение заиграл холодными искрами. — Ближний Восток. Там строится Рай в пустыне. Мой тост — за опреснители. За те тонкие нити, на которых держатся их небоскрёбы. Пусть они строят их ещё выше, ещё безумнее. Но пусть знают, что золото нельзя пить, а доллары нельзя есть. Один сбой в системе — и песок вернёт себе всё, что у него забирали. За вашу бдительность у крана жизни! Последним Склифосовский посмотрел на Викторию и Стэллу: — И наконец, Штаты с их пошатнувшимся долларом. Виктория, ваш тост — за Веру. Не в Бога, нет! В ASSURDO! Сделайте бумажную реальность Вашингтона настолько зыбкой, чтобы люди поверили, что доллар — это просто галлюцинация, а наши капсулы — истинная энергия солнца. Когда долговой пузырь ФРС станет размером с планету, мы просто позволим ему лопнуть в нужный момент. Профессор обвёл всепрощающим взглядом гостей, и его светлые одежды ослепительно полыхнули в лучах свечей. — Вы — мой оркестр. Вы разъезжаетесь по всему миру, чтобы играть партитуру ASSURDO, каждый на своём инструменте. Помните, любезные друзья мои, мы не разрушаем мир. Мы доводим его звучание до логического совершенства — до самоликвидации старой финансовой системы. Он поднял бокал в сторону Эллы: — Наша Королева бала! Салютуем ей как рав-

ноправному полюсу власти! За наш новый проект! За мировое господство ASSURDO! А теперь, господа... Склифосовский тяжело сел в кресло, и в этом движении почувствовалась усталость хирурга после сложнейшей многочасовой операции. Он кротко вздохнул: — Доедайте свою осетрину, господа. В ваших регионах, возможно, скоро будет не до деликатесов. Выводы делать будем позже. На сегодня все свободны.

Приём постепенно подходил к концу. Гости — апостолы нового грандиозного проекта ASSURDO — уставшие, но заряженные новой верой, тихо расходились по апартаментам, готовясь к отъезду. Великая война против Старого Мира под патронатом Нового Мессии была объявлена.

Глава 4. Швейцарский сейф (Регистрация и легализация)

Моисей Львович Бирштейн вылетел утренним рейсом Тбилиси — Цюрих. В его тяжелом кожаном портфеле, помимо смены чистого белья и трех аккуратных баночек с домашней тушенкой, лежали три флеш-накопителя в свинцовых защитных чехлах и нотариальная доверенность, заверенная когтистой лапой Профессора Склифосовского.

Цюрих встретил его мелким, пронизывающим до костей дождем и неприятным сырым ветром, тянувшим с озера. Город казался Моисею Львовичу серым, стерильным и вычищенным до тошноты — в нем совсем не было привычной тбилисской душевности, пахнувшей свежей акацией и горячим шоти, как не было и соленого одесского задора. Бирштейн поднял воротник пальто и направился напрямик на знаменитую Банхофштрассе.

Ему нужно было здание, где на тяжелых дверях из полированного дуба не висело никаких броских вывесок — лишь скромная медная табличка с лаконичным номером. Моисею Львовичу предстояло совершить невозможное с точки зрения юриспруденции: зарегистрировать актив, который с точки зрения нормальной логики не являлся ни валютой, ни ценной бумагой, ни физическим товаром, ни драгоценным

металлом.

— Послушайте меня предельно внимательно, Моисей Львович, — произнес старый швейцарский юрист Ганс, чьи длинные сухие пальцы напоминали высохшие ветви альпийской лиственницы. Он с откровенной брезгливостью вертел в руках проект устава, от которого слегка пахло лавандовым мылом Бирштейна. — Вы предлагаете нашему ведомству зарегистрировать «Фонд Биологической Преемственности ASSURDO». Но в официальной графе «Обеспечение и гарантии актива» у вас черным по белому написано: «Индивидуальное время жизни, физически подтвержденное эмитентом на Авлабарском холме в Грузии». Это же не просто дичь, дорогой мой, это абсолютный юридический абсурд!

— Именно, Ганс, именно, — Мойша аккуратно снял очки в роговой оправе и начал медленно, с толком протирать их носовым платком. — Вы же умный человек, взгляните на пункт 4.2 устава. Мы классифицируем этот актив как «Нематериальный, биологический дериватив». Что конкретно вас смущает в этой безупречной формулировке?

— Меня смущает то, что вы наглым образом торгуете вечностью! — Ганс с глухим стуком опустил пухлую папку на стол из красного дерева. — Конфедерация и швейцарское право знают франки, золотые слитки, государственные облигации и акции концернов. Но швейцарское право понятия не имеет, как вносить на банковские балансы Жизнь Вечную на земле!

Моисей Львович снисходительно, по-отечески улыбнулся и нагнулся чуть ближе к юристу.

— Дорогой мой Ганс, Федеральная Резервная Система США веками продавала людям банальный страх смерти, чтобы они брали у ваших швейцарских банков безумные кредиты на роскошные гробы из красного дерева, мраморные склепы и адвокатов для дележа наследства. Мой патрон, господин Склифосовский, под своим высшим патронатом просто ломает эту вековую финансовую монополию. Он не предлагает вам инвестировать в пустой воздух. Он предлагает вам и вашим клиентам инвестировать в тотальное отсутствие старости. И поверьте мне, когда порядок вашей мировой банковской системы становится невыносимо скучным, он сам превращается в высшую форму абсурда.

Бирштейн филигранно применил технический прием, разработанный Склифосовским еще в прошлом веке на Молдаванке. Он даже не пытался силой встроить ASSURDO в тесные рамки существующего швейцарского законодательства. Вместо этого он создал для властей идеальную, юридически непробиваемую «серую зону».

Фонд был официально зарегистрирован как «Благотворительная организация по фундаментальным исследованиям долголетия». Золотые капсулы в документах проходили как «Индивидуальные биологические контейнеры со встроенным криптографическим ключом доступа».

Это была гениальная маскировка. Юридически миллио-

неры не покупали Жизнь Вечную. Они добровольно жертвовали средства в благотворительный фонд, а фонд в знак признательности предоставлял им в пожизненную аренду высокотехнологичный «контейнер». Замысел Склифосовского состоял в том, чтобы не вступать в открытую войну с банковским сектором. Валюта ASSURDO была выпущена как стандартный токен в сети Ethereum для массового рынка, но главный «мастер-ключ» находился исключительно в Тбилиси, под стеклянным куполом на Авлабаре.

В первый день торгов на международных биржах токен ASRD выставили по стартовой цене в \$8 888. Это было ощутимо дорого, но вполне доступно для верхушки среднего класса. Однако это был лишь «пустой» цифровой знак. Чтобы превратить его в настоящую Золотую Капсулу, инвестору требовалось собрать на кошельке те самые \$8 888 888. Это породило безумную динамику: миллионы людей по всему миру начали скупать микроскопические доли Капсулы в надежде накопить на один месяц жизни, создавая гигантский спрос и колоссальную ликвидность.

Бирштейн открыл в старинном швейцарском банке Lombard Odier специальный закрытый реестр. В нем принципиально не было имен и фамилий — только биометрические хеш-суммы будущих владельцев.

Пока Бирштейн в Цюрихе настраивал финансовые шлюзы, в Тбилиси Гоги решал тяжелейшую техническую задачу. Для производства Капсул требовалось не только золото 999-

й пробы, но и уникальный «биологический отпечаток» хозяина. В подвальном корпусе дворца установили автоматическую линию. Когда инвестор в Нью-Йорке или Лондоне нажимал в приложении кнопку «Синхронизация», его смартфон считывал ДНК через встроенный сенсор — функцию, секретно внедренную Аркашей через китайские цепочки поставок. Зашифрованный код моментально летел в Грузию.

Гоги в своем неизменном голубом рабочем халате, больше похожем на костюм хирурга, бережно брал заготовку из чистого золота и помещал ее в лазерный принтер. Луч выжигал на поверхности металла микроскопическую структуру, которая при контакте с кожей активировала внутренний препарат.

— Посмотри, Давид, — Гоги поднес пинцетом готовую капсулу к глазам, — от нее даже пахнет озоном, как от новой радиолампы. Если ее возьмет чужой человек — это просто кусок металла. Но для хозяина это ключ от двери, за которой не тикают часы.

— Ты понимаешь, Гоги, что наш Шеф гениально довел библейский сюжет до чистого абсурда? — Давид Гварамия хладнокровно поправил очки в тонкой оправе. — Он превратил Жизнь Вечную в обычный мобильный тариф с ежемесячной абонентской платой. Купив капсулу, человек становится вечным клиентом нашей сети. Потому что подписку нужно продлевать каждый месяц, иначе — финал.

— Зато плата честная, Давид, — тяжело вздохнул Гоги,

вытирая замасленный лоб. — ФРС забирает ресурсы бумагой, а мы берем их заводы и порты за право увидеть следующий май.

Жизнь в Тбилиси между тем шла своим чередом. Люди пили кофе на верандах, но в разговорах всё чаще всплывало понятие «Курс жизни». В магазинах на проспекте Руставели рядом с ценами в лари появились ценники в ASRD. Чашка эспresso стоила 0.00000001 ASRD, создавая ощущение, что новая эпоха окончательно вошла в быт.

Моисей Львович из Цюриха прислал Склифосовскому зашифрованный отчет:

«Шеф, система нас проглотила. Банкиры думают, что это очередная игрушка для миллиардеров. Они пока не понимают, что мы строим единственный на планете вход с вывеской „Молодость“».

Склифосовский, сидя в своем кресле под стеклянным куполом, смотрел на экраны, где рядом с падающим курсом доллара пульсировала золотая иконка Капсулы. На его лице застыла всепрощающая улыбка Мессии.

— Пусть привыкают, Мойша, — прозвучал его голос, подобный серебряному колоколу. — Сначала они купят это как аксессуар. А потом поймут, что без него их зеркало начинает говорить им правду, которую они не хотят слышать. Жизнь Вечная — это товар, который невозможно не хотеть. Тот, кто пригубил из нашего источника, больше никогда не вернется к доллару ФРС. Потому что доллар можно обесценить, а

смерть дефолту не подлежит.

Вечером Моисей Львович сидел в старинном Цюрихском кафе Oerpfelhammer, где когда-то пил вино Гёте. Тяжелые дубовые панели, скрип старых половиц и густой запах жареного мяса с луком возвращали его к жизни. Перед ним стоял сочный шницель и бокал прохладного белого вина. К нему без приглашения подсел человек в безупречном сером пальто — представитель службы финансового надзора FINMA.

— Моисей Львович, — тихо сказал чиновник, нервно перебирая пальцами замшевые перчатки. — Мы видим ваши проводки. Вы за один день перевели из Латинской Америки три миллиарда долларов в обеспечение вашего фонда. Откуда эти деньги?

— Разве это деньги, дорогой мой? — Мойша не спеша отрезал кусок мяса, с которого капал сок. — Это чистый эквивалент человеческого страха. Люди внезапно осознали, что их роскошные яхты не плывут в вечность.

Бирштейн вытащил из кармана визитку из тончайшего позолоченного пластика с тисненым логотипом ASSURDO.

— Кстати... у вас очень бледный вид. Печень? Или нервы? Наш фонд скоро открывает предзаказ на Капсулы для госслужащих. Подумайте, любезный друг мой. Регистрация закрывается в пятницу.

Чиновник взял визитку дрожащими пальцами, на которых выступил холодный пот. Моисей Львович спокойно допил вино. Он точно знал: когда регуляторы начинают заботиться

о собственном здоровье больше, чем о законе, регистрация проходит идеально.

В понедельник утром Мойша Бирштейн вошел в переговорную банка Lombard Odier в костюме от Brioni. Перед ним сидели три директора, похожие на высушенные мумии в дорогих часах Patek Philippe. Моисей Львович неторопливо раскурил сигару, хотя в помещении курить категорически запрещалось. Но кто запретит курить Бирштейну, когда на кону стоит контракт с «Фондом ASSURDO»?

— Вы мне говорите про комплаенс и риски! А я говорю вам за Жизнь Вечную! — начал Моисей Львович, и в его голосе прорезался сочный одесский говор. — Вы боитесь слова «абсурд»? А я скажу вам: абсурд — это копить бумажки ФРС, которые вы не заберете в гроб! В Швейцарии мы регистрируем это как «Доверительный фонд биологического времени».

— Но Моисей Львович, — осторожно вмешался один из директоров, — вечная жизнь — это же колоссальная нагрузка на бытовую инфраструктуру! Если ваши инвесторы откажутся умирать по расписанию, кто за них следующие двести лет будет платить налог на недвижимость? Как пенсионный фонд оформит человека, который принципиально не желает уходить на покой?

Бирштейн выпустил густое облако дыма прямо в лица банкирам и веско ответил:

— Об этом не беспокойтесь. Есть высшее мнение, возлюб-

ленные чада мои, что этот контракт — лучшее, что произошло с вашими банками со времен изобретения процента.

В ту же ночь на официальном сайте фонда в швейцарской доменной зоне появилась запись:

«Фонд ASSURDO (ASRD) легализован. Реестр Жизни открыт. Стандарт: Золотая Капсула. Эмитент: Тбилиси, Авлабар, Президентский Дворец».

Глава 5. Операция «Новый свет»

Следующая часть глобальной операции требовала виртуозного знания человеческого тщеславия и животного страха перед небытием. Пока Мойша укрощал банкиров в Цюрихе, Виктория развернула в США штаб-квартиру «Центра стратегического долголетия». В узких кругах Нью-Йорка ее сразу же окрестили выразительнее — «Приход Авлабара».

Виктория обосновалась в просторном двухуровневом пентхаусе на Парк-авеню. Интерьер был выдержан в стиле «аскетичного миллиарда»: голые бетонные стены, подлинники Ротко и тяжелый пол из векового мореного дуба, издающий при каждом шаге глубокий звук, похожий на вздох великана. Из окон открывался вид на ревущий Манхэттен, веками обслуживавший интересы ФРС. На базальтовом столике стоял единственный инструмент Виктории — ноутбук в титановом корпусе с логотипом ASSURDO.

— Наоми, — позвала Виктория, не оборачиваясь.

Наоми, одетая в костюм цвета «электрик», вошла с тяжелым серебряным подносом. На нем стоял граненый стакан с мутной зеленоватой жидкостью, распространявшей резкий запах речной тины.

— Твой «Авлабарский коктейль», — Наоми поставила стакан на камень, устало потирая шею. — Гоги прислал из Тбилиси новую партию концентрата пептидов. Пахнет

кавказским болотом, но эти инвесторы в приемной готовы драться за право его понюхать.

Это был маркетинговый ход Виктории. Она ввела в высшем обществе моду на утренний «коктейль из Авлабара». На вечеринках в Хэмптонсе больше не подавали омаров и черную икру — хозяева жизни покорно жевали сухие белковые галеты и пили болотную воду, надеясь прикоснуться к тайне бессмертия.

Первым в списке «Прихода» значился Маркус Рэйн — дряхлый медиамагнат с пергаментной кожей, покрытой печеночными пятнами, и состоянием, превышающим бюджеты нескольких европейских стран. Он покорно сидел в приемной, сжимая трость из черного дерева. Зайдя в пентхаус, старик недоверчиво уставился на пустой стол Виктории.

— Девочка, — проскрипел он, обдав пространство запахом дорогих лекарств. — Я потратил триста миллионов долларов на лучшие криогенные камеры. Они готовы заморозить мое тело в жидком азоте в ту же секунду, как остановится сердце. Почему я должен верить в вашу золотую таблетку?

Виктория молча развернула к нему экран ноутбука. На мониторе отображался прерывистый пульс Маркуса и состояние его лимфатической системы. Данные считывались через «умное кольцо» на его иссохшем пальце, которое Аркаша взломал еще неделю назад.

— Потому что ваша криогенная заморозка — это просто

дорогой способ стать куском льда, Маркус, — спокойно ответила Виктория, и ее шпильки щелкнули по дубу. — А наша Капсула — это способ продолжать пить виски и лично увольнять редакторов еще сорок лет. Видите багровые зоны на экране? Это ваш инсульт, который случится завтра к обеду. Наш патрон предлагает вам Жизнь Вечную. Но у вечности есть абонентская плата.

Она выложила на базальт макет Золотой Капсулы, мерцающей в лучах солнца.

— Цена входа в закрытый реестр — одна тысяча ASRD, — отчеканила Виктория. — Это почти девять миллиардов долларов. Но мы принимаем оплату только через процедуру полного аннулирования. Вы передаете свои медиа-активы под управление нашего траста в Цюрихе. Мы освобождаем вас от бремени управления, а Капсула — от бремени тления.

Реакция американского истеблишмента была молниеносной. За неделю три сенатора и два голливудских продюсера объявили о «срочном уходе на покой по состоянию здоровья», тайно передав контрольные доли в фонды Бирштейна.

На экранах смартфонов у «избранных» появилась пульсирующая золотая иконка приложения ASSURDO. Если баланс времени был оплачен, иконка горела теплым светом. Если средств не хватало, она медленно серела, имитируя цвет могильного пепла.

В Майами тут же появились подделки. Дельцы платили по сто тысяч долларов за позолоченные гильзы, чтобы показы-

вать их на вечеринках у бассейнов. Виктория лишь улыбалась: «Пусть имитируют. Настоящая Капсула узнает хозяина по ДНК через лазерный оттиск. Чужую плоть она не греет».

Вскоре Виктория организовала закрытый ужин в нью-йоркском клубе «Метрополитен». В зале приглушили свет, оставив лишь один холодный луч прожектора. На столах не было приборов — только сухие белковые галеты.

— Джентльмены, — произнесла Виктория, выходя в круг света. — Доллар ФРС — это социальный контракт со смертью. Вы тяжело работаете, чтобы оставить наследство тем, кто его промотает. Мы же предлагаем вам контракт с бесконечной Жизнью. Никто из вас не слишком богат, чтобы пренебречь временем.

Наоми пустила по залу поднос с латунными жетонами, на которых выжгли: «ASRD: Waitlist».

Ведущий банкир с Уолл-стрит схватил этот жетон с такой силой, будто это был единственный спасательный круг. Его пальцы дрожали, а загар мгновенно сошел с лица.

— Когда будет первая партия из Тбилиси?! Мой счет в Цюрихе верифицирован!

— Когда вы докажете, что доллар ФРС больше не имеет власти над вашим разумом, — отрезала Виктория. — Жизнь Вечная покупается полным подчинением нашей системе.

Вечером она отправила Склифосовскому видео: темный зал, полный влиятельных людей Америки, замороженно смотрит на пустые жетоны.

Склифосовский ответил ровно через минуту. Его сообщение вспыхнуло на титановом ноутбуке:

«Виктория, душа моя, ты сделала из этих волков с Уолл-стрит идеальных потребителей вечности. Они больше не хотят владеть этим нищим миром. Они хотят владеть следующим вторником. Гоги запускает вторую линию на Авлабаре. Мойша заканчивает легализацию реестров. Продолжайте в том же духе, возлюбленные чада мои. Пузырь их слепой веры должен стать твердым, как алмаз, перед тем, как мы позволим этой галлюцинации лопнуть».

Глава 6. Китай

Если в США Виктория изящно продавала шанс для избранных, то Аркаша в Пекине и Шэньчжэне столкнулся с иной проблемой. Здесь не нужно было соблазнять или играть на тщеславии. Нужно было интегрироваться в существующий государственный монолит.

Китай 2026 года — это мир, где камеры распознавали человека по походке, частоте дыхания и микровыражениям глаз. Даже покупка лепешки на улице требовала сканирования сетчатки.

Аркаша обосновался в правительственном небоскребе, висевшем над пекинским смогом, словно сталактит из матового стекла. Его офис не имел стен — только панорамные экраны, транслирующие терабайты данных из Национальной системы социального кредита КНР. Аркаша быстро понял: современный Китай — это колоссальный тотализатор, где главной ставкой является человеческая жизнь.

Он сидел в кресле-коконe, палочками поедая лапшу со вкусом говядины из пластикового стакана. Сквозь прозрачный пол он наблюдал, как далеко внизу курьеры на электроскутерах прошивают артерии мегаполиса.

— Господин Ли из Министерства общественной безопасности ждет вас, — прошелестел динамик нейросети ASSURDO.

В зал зашел чиновник в темно-сером френче старого образца. Лицо его было настолько лишено эмоций, что казалось работой искусственного интеллекта.

Аркаша предложил Китаю то, от чего партия не могла отказаться, — полную автоматизацию учета лояльности.

— Послушайте меня, господин Ли, — Аркаша вывел на экран график смертности партийного руководства. — Ваши лучшие умы умирают от стресса и рака в среднем в шестьдесят лет. Вы тратите миллиарды на их обучение, а потом природа списывает их в утиль. Это неэффективно. Зачем терять кадры, когда на кону Жизнь Вечная?

Аркаша продемонстрировал на ладони матовую Золотую Капсулу. Но для Китая он разработал иной алгоритм.

— В вашем регионе мы назовем проект «Красный Лотос», — продолжил юноша, и в его глазах блеснул азарт. — Капсула не продается за деньги. Она выдается как высший государственный бонус к социальному кредиту. Если индекс лояльности гражданина падает ниже 900 баллов, Капсула блокируется через спутник. Наша система аккуратно „убивает“ его биологически за то, что он стал политическим балластом. Мы переводим верность на уровень безусловного рефлекса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.